

Воспоминания о К.К. Чуваеве

В.Л. Окнянский

НИИ “Крымская астрофизическая обсерватория”, 98409, Украина, Крым, Научный

Поступила в редакцию 9 января 2008 г.

Я познакомился с Константином Константиновичем в сентябре 1975 года, когда был студентом пятого курса Одесского университета. Мои интересы – исследования активных ядер галактик – не совпадали с основной тематикой Одесской обсерватории, и мне с большим трудом разрешили сделать курсовую работу по фотометрии NGC 4151, используя архивные снимки неба Одесской коллекции. Мне это разрешили благодаря тому, что руководить моей работой согласился Олег Ефимович Мандель. Олег Ефимович написал письмо Константину Константиновичу с просьбой взять меня на дипломную практику. Я хотел заниматься спектральной переменностью ядер сейфертовских галактик. Хотеть-то я хотел, но знания мои ограничивались тем, что я почерпнул из учебников да трудов В.А. Амбарцумяна. Всему приходилось учиться у Константина Константиновича практически с нуля. Конечно, много было прочитано по теме в библиотеке КраО. Работа строилась таким образом, что днем я сидел в библиотеке, а ночью измерял спектры на микрофотометре. Это было самодельное устройство, которое позволяло записывать фотографические спектры в интенсивностях на диаграммную ленту. Характеристическая кривая задавалась передвижением ползунков по натянутому проводу. Тут я как раз и хочу рассказать об одном случае, который показывает способность Константина Константиновича изменять свою точку зрения, когда он изначально был уверен в своей правоте. Это очень важное качество ученого – способность быть переубежденным в чем-то. Если человек упрямый, то сотрудничать с ним бывает очень трудно, а со временем становится и невозможно. Константин Константинович таким не был, хотя, конечно же, менял свою точку зрения только если аргументы были весомые. Так вот, собственно, эта история. На микрофотометре, на котором измерялись спектры, была такая особенность: спектры измерялись только до определенной плотности, скажем $D = 1.8$, а то, что было больше, просто отрезалось. Для спектров NGC 4151 это был существенный минус, так как на многих спектрах пики небулярных линий имели плотность больше и, соответственно, они терялись для измерения интенсивностей линий, так как мы калибровали их по запрещенным линиям. Я долго ломал голову, как же обойти эту проблему. Раз мне даже приснилось как это сделать. Я сразу же попытался этот сон пересказать Чуваеву, но это было еще плохо сформировано, я не смог его убедить, что это возможно. Он мне даже сказал, чтобы я ему с этим больше голову не морочил, так как это невозможно и все тут. Тем не менее, мне удалось эту приснившуюся идею реализовать на практике, и Константин Константинович согласился с ней. Правда, сам он не пользовался ею, я думаю. Прибор для измерений неоднократно модернизировался, и позже уже не было этой проблемы.

Кроме измерения спектров мне повезло участвовать в наблюдениях с Чуваевым. Это были наиболее незабываемые впечатления. В основном, правда, я работал за оператора, но иногда Константин Константинович – и это было просто счастьем для меня – брал меня с собой к спектрографу, доверял погидировать какой-нибудь Сейферт или квазар. Чаще всего он просил меня что-то рассказать и слушал. Иногда рассказывал сам, но это было, к сожалению, редко. Я помню его рассказы о поездке в Чили. Из его рассказов у меня сложилось впечатление, что он хотя и был

коммунистом, но скорее был диссидентом внутренне, так как не любил ту ложь и подхалимаж, которыми были пропитаны те брежневские застойные годы, это было чуждо ему.

Наше сотрудничество длилось многие годы. Даже работая на Дальнем Востоке я переписывался с Константином Константиновичем, приезжал в командировки (экспедиции) на месяцы ежегодно. Обрабатывать приходилось и новые спектры, и переделывать многое, если всплывали проблемы, или просто появлялась возможность сделать это более точно. Чуваев любил знать много больше, чем публиковал, и часто говорил об этом. Я считаю себя его учеником и, мне кажется, я перенял от него любовь к неспешным публикациям. Часто это идет во вред, хотя, конечно, результат часто должен быть выдержан и отлежаться, чтобы не быть скороспелой пустышкой. Помню, как приехав в марте 1984 года, я провел UVV-измерения NGC 4151 на Цейсе-600. Блеск оказался необычно низким. Виктор Михайлович Лютый даже сказал, что это я не умею наводиться, так как таким слабым ядро не было никогда. На следующий день он измерил сам, и оказалось, что блеск снизился еще чуть-чуть. Я сообщил Чуваеву об этом необычном состоянии NGC 4151. Стали смотреть свежие спектры объекта за февраль-март, и оказалось, что широкие крылья у H-бета исчезли! В то время это было фактически открытие, так как только у двух объектов наблюдалось нечто похожее, но это было появление или исчезновение широких смещенных компонентов, причем по отрывочным данным. А здесь весь процесс был отслежен в деталях, и этого не было раньше ни разу! Ясно, что дело шло о публикации, и срочной. Как же тяжело было это для Константина Константиновича! Конечно же, у него было много других планов и другой работы, а откладывать и менять планы было для него сложно. Тем не менее уже к концу апреля 1984 года спектры были измерены, и мы были готовы сообщить об этом результате миру. Была даже попытка отправить телеграмму в циркуляр IAU. Однако это стоило не один десяток долларов, но их у нас тогда не было, а я их и не видел ни одного в глаза! Статья наша совместно с Лютым и Чуваевым тем не менее вышла в Письмах в АЖ уже через полгода, что можно считать рекордом по скорости для Чуваева!

Знакомство с Константином Константиновичем Чуваевым отразилось на всей моей жизни. Он был руководителем моей дипломной работы совместно с О.Е. Манделем и фактически руководил моей диссертационной работой совместно с В.М. Лютым. Я считаю его по праву своим учителем и очень горжусь каждой совместной с ним публикацией.